

«Председатель Совнаркома».

Художник Раевская-Рутковская В. А.

Девять страночек

Я давно мечтал увидеть записную книжку Владимира Ильича с теми заметками, которые Ленин вел в один из декабряских вечеров двадцатого первого года на совещании беспартийных крестьян — делегатов IX Всероссийского съезда Советов. Нынче, в марте, мне представилась эта возможность.

Учиться у быстротекущей жизни, учиться у людей не вскакий умеет. Ленин умел. Люди — рабочие, крестьяне, инженеры, ученые, писатели, — люди труда при встречах с Ильичем чувствовали его прямоту, искренность, заинтересованность и потому шли к нему с открытой душой.

«Надо сказать, — говорит одной из своих статей Надежда Константиновна, — что сам Владимир Ильич умел всегда по отдельному слову, отдельной фразе, по брошенному собеседником замечанию сразу ухватить настроение». Крупская вспоминает, как в дни IX съезда Советов Ленин попросил М. И. Калинина устроить ему совещание крестьян. «И вот Владимир Ильич, — рассказывает Крупская, — пришел на это собрание... сидел в уголке и внимательно прислушивался к тому, что крестьяне говорят».

Такая встреча давала Владимиру Ильичу замечательную возможность еще лучше и еще глубже изучить настроение деревни. Совещание как бы продолжало начатый на съезде деловой разговор о неотложных мерах, способных поднять производительность крестьянского хозяйства.

Ленин выступал на совещаниях трижды, каждый раз очень кратко, подчеркивая, что его дело как можно подробнее записывать, чтобы знать истинное положение вещей.

Громадный интерес представляют записи Лениным выступлений крестьян. Я думаю, каждый раз очень кратко, подчеркивая, что его дело как можно подробнее записывать, чтобы знать истинное положение вещей.

«Надо бы лес развести». «Екатеринбургская губ. Красноуфимский у.»

Борис ГАЛИН

...Уничтожить чрезполосицу. В союзах посадить местных людей». «Пензенская губ. О мелиорации иных работах».

Порой Владимир Ильич тут же скажет пометки: «для СНК».

Из Екатеринбургской губернии делегат посоветовал:

«Башкирские земли не обработаны. Рядом лежат.

«Нельзя ли приступить к ним».

Читая сейчас ленинскую запись крестьянского выступления, самое ценное из выступлений крестьян, приехавших в Москву из далеких и глухих уголков России!

Он внимательно слушал и записывал.

В первом своем выступлении он ведь так прямо и сказал делегатам: «Мое дело здесь, как я понимаю, больше слушать и записывать».

Он предложил выбрать те вопросы, которые крестьяне считают самыми важными, «а я буду записывать каждое заявление, которое с места делается».

В воспоминаниях делегата от Костромской губернии отмечается:

«Каждый говорил о своем уезде, чуть не о своей деревне... уж очень наболело у всех на душе... Получился шум, как на волостном сходе».

Владимир Ильич заносил на листки все самое живое, острое, что так волновало крестьян, — и по вопросу о труженичестве, и особенно по земельному вопросу. Он скато, иногда одной строкой, заносил на свои листки самое существенное из выступлений делегатов.

Иногда Владимир Ильич берет в кавычки острое, живое крестьянское слово.

(«Мутаются дела не делаются»).

Или вот его запись выступления делегата из Сызранского уезда по поводу труженичества — строчки так и брызгают веселой иронией:

«Работу в праздник заставляют делать, а соль не выдают из-за праздника!!».

Новая запись:

«бумажные волокна; от нее избавиться»

(Тверская губ.).

«Больно много лубяных волокон, да и трехнедельников».

И по этому живо и сердито сказанной фразе, кажется, можно увидеть и самого крестьянина, и слушающего его Ленина.

Из Симбирской губернии делегат сказал, и Ленин записал его слова: «Буржуев уничтожать нетрудно и хорошо».

Развивая свою мысль, крестьянина подчеркивает необходимость добывать, чтобы труд был свободным.

В выступлениях делегатов сквозила тревога за положение вещей в деревне и вместе с тем чувствовалось понимание политики партии, их горячее желание добиться улучшения, подтверждая в сельском хозяйстве.

«Налоги пут правильный», — записал Владимир Ильич слова крестьянина из Корочанского уезда Курской губернии.

Из Тульской губернии делегат сказал:

«Леса свели».

Начало см. «Литературную газету» от 14 апреля. Продолжение в следующих номерах.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ИНСТИТУТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вчера в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР состоялась научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. На сессии выступил профессор, специалист по русской литературе, выступили доктор филологических наук В. Шербина.

Доктор филологических наук Я. Эльсберг сделал доклад: «Русская действительность в произведениях В. И. Ленина и изображение ее в русской литературе».

ВЫСТАВКА ОТКРЫТА!

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Россия принимают участие 1217 мастеров. И все же, даже быстрый осмотр этой грандиозной выставки вызывает много радостных чувств и мыслей в нашем современном искусстве. Бросается в глаза поистине огромное количество полотен, принадлежащих художникам ранее неизвестных творческих мастеров. А уже сам по себе этот факт свидетельствует о большом успехе молодежи.

Молодежь принесла с собой на выставку светлое ощущение жизни, радостные краски и чуткое внимание к нашему героическому современному.

Думается, например, что посетители выставки обратят внимание на картины молодых художников И. Шевченко и А. Савченко.

«Мы были точным, в выставке «Советская Россия» — сказал художник, — и наша выставка — это открытие идей репетиции». Они очень просты, задушевны и по-настоящему современны.

Я говорю об этих работах отнюдь не потому, что они являются самыми лучшими на выставке, — равных им немало. И все же представляется, что они в какой-то мере типичны для творчества нашей художественной молодежи. С одной стороны, они говорят о том, что молодые художники плодотворно ищут применение своим силам в теме современности, а с другой — что они растут год от года, от картины к картине.

И радостно, что на открытии выставки и министр культуры РСФСР А. Попов, и крупнейшие наши мастера С. Герасимов, Б. Иогансон, В. Серов с такой искренней радостью говорили об успехах молодежи.

Выставка, расположившаяся в Манеже, поистине величественна. И каждый — самый придирчивый посетитель, несомненно, найдет здесь работы, близкие своему сердцу.

Открытие выставки «Советская Россия» — праздник нашего народа, его искусства, его культуры. Этот праздник особенно знаменителен тем, что он предваряет открытие Первого съезда художников Российской Федерации. Думается, что выставка «Советская Россия» послужит прекрасным материалом для творческого разговора на их первом съезде. Пусть же этот разговор будет таким же глубоким, интересным и ярким, как эта многообразная выставка!

Сергей БАРУЗДИН

◆ ◆ ◆

НАШ ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР

Вчера в Центральном выставочном зале в Москве открылась художественная выставка «Советская Россия», организованная Министерством культуры РСФСР и Оргкомитетом Союза художников РСФСР. Наш корреспондент обратился к председателю Оргкомитета народному художнику СССР В. Серову с просьбой рассказать читателям о выставке.

— Впервые за все годы, — сказал В. Серов, — устраивается такой грандиозный творческий отчет художников. Мы помним экспозиции художников Москвы и Ленинграда, отдельных областей или автономных республик, но никогда еще не было показа творчества художников всей Российской Федерации. Здесь размещено около двух с половиной тысяч произведений живописи, графики и скульптуры. Из 62 творческих организаций, объединяемых Оргкомитетом Союза художников РСФСР, представлены 57.

Если бы знали, какая упорная и длительная работа предшествовала нашему сегодняшнему празднику! Когда был создан наш Оргкомитет, призванный подготовить и провести Первый съезд художников республики, мы решали устроить такой смотр творческих сил, который наряду с показом художников республики, показал бы и наше творчество. Была задумана выставка, которая раскрыла бы важнейшие этапы борьбы нашего народа за социалистическую революцию и сегодняшний день его жизни.

На местах выставочные комитеты отбирали лучшие произведения народных художников. Всего было отобрано для экспозиций на местах.

Все, что вы здесь видите, создано за последние два года. И это несомненное доказательство массовой творческой активности художников. Современная тема заняла центральное место в экспозиции. Здесь немало интересных работ, рисующих нашего современника — созидателя и творца, человека, наделенного всем богатством мысли и чувства. Выставка в целом еще раз убедительно демонстрирует жизненность метода социалистического реализма.

Характерная черта выставки — обилие новых имен, здесь очень много молодых художников — им принадлежит будущее.

— Не можем ли мы на минуту забыть о том, что вы — одни из организаторов выставки, и попросить вас называть произведениями, которые лично вам как художнику представляются особенно интересными?

— Вот вопрос, на который я не могу ответить. Здесь так много вещей чрезвычайно интересных с моей точки зрения, что я смог бы назвать вам 200—300 работ, а называть, скажем, пятнадцать из двух с половины тысячи — отказываюсь. Эта выставка тем и цена, что она представляет собой огромный целостный организм, а не экспозицию, где есть десятка два хороших работ, а остальные присутствуют, как говорится, для подвески. Поэтому позволяйте мне дать общую характеристику выставки, которую я считаю очень интересной по идеино-художественному уровню, разнообразию творческих индивидуальностей и тематической разносторонности.

Хочется особо подчеркнуть, что на этой выставке, открывшейся в дни, когда мы отмечаем знаменательную дату 90-летия со дня рождения В. И. Ленина, во многих произведениях воплощен бесмертный образ великого вождя, отражены жизнь и борьба нашего народа, идущего под руководством партии по ленинскому пути.

— Я хотел бы в заключение отметить, — сказал В. Серов, — что каждый участник выставки, все художники Российской Федерации, вынесли сегодня на суд общественности и всего нашего народа свое творчество, будут с нетерпением ждать строгой, высканальной и, как всегда, доброжелательной оценки. Ведь смысл нашего труда заключается в постоянном и верном служении родному народу, строящему коммунизм.

ЦЕНЫ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛITERATURNAIA GAZETA

Год издания 31-й
№ 46 (4171)

Суббота, 16 апреля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ «ЛЕНИН», СИХРОЦИАЛГОТРОН НА 680 МИЛЛИОНОВ ЭЛЕКТРОНОВОЛЬТ

Советский Союз показывает странам мира пример сотрудничества в области применения атома для мирных целей. Пройдет две недели, и выставка «Атом для мира» откроется для гостей, чтобы она стала разом с городом Италии продемонстрировать мирные намерения нашей страны, убедительно призывающей к использованию атомной энергии для мирных целей. Сейчас эта выставка, пополненная рядом новых стендов, прибыла в Ригу. На ее торжественном открытии пришли ученые, инженеры, руководящие работники республики во главе с секретарем ЦК КП Латвии А. Пельви и председателем Совета Министров Риги Я. Пейзе.

Рига (Наш корр.)

◆ ◆ ◆

ЗА ДРАМАТИЧЕСКОМУ ЗВУЧАНИЮ!

12—14 апреля в Центральном Доме литераторов состоялся II пленум правления Союза писателей СССР. В течение трех дней шло заинтересованное, серьезное, острое обсуждение вопросов драматургии театра, кино и телевидения. Сегодня мы рассказываем о нем.

УТВЕРЖДАТЬ КРАСОТУ ЖИЗНИ

Жизнь и драматургия, богатство нашей эпохи развернутого строительства коммунизма и ее отражение в театре, кино и телевидении — вот та главная проблема, которая волновала участников пленума.

Как добиться того, чтобы наша драматургия успешно шла по главной линии развития, отражая героический труд, замечательные свершения нашего народа, — к этому вопросу с разных сторон подходили все выступавшие. Ведь, как правильно заметил народный артист СССР М. Царев, нас интересуют не задорки, не уловки, не ложники и не слезливые истории, а героическая жизнь советского человека. Это основное.

И участники пленума подчеркивали необходимость для каждого советского художника иметь ясную идеиную позицию, партийную точку зрения, с высоты которой только и можно осмысливать процессы нашей действительности. Драматург, как и всякий художник, должен глубоко знать жизнь народа. Это первое условие настоящего творчества. Однако порой связи с жизнью понимается весьма формально, ограничивается короткими загородными экскурсиями.

Яркий пример такого эпизодического «вторжения в действительность» привел в своем выступлении сценарист А. Каплер, рассказавший о том, как тридцать киноделов были выведены директором крупной московской студии в съёмках «Горкин». «Мы приехали туда. Навстречу нам вышел ди-

(Окончание на 5-й стр.)

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

★ 22 апреля — 90 лет со дня рождения Владимира Ильича. Ленину посвящены статьи Б. Галина, И. Тауфера, Г. Рыклина.

★ Вчера открылась выставка «Советская Россия».

★ Отчет о пленуме правления Союза писателей.

★ Как быть с кочевниками?

★ Блокнот фантаста.

★ Учитель и ученик.

★ Продолжается дагестанская декада.

★ Новые произведения А. Вознесенского, В. Киселева.

★ Франция—Россия. Статья А. Моруа.

★ Встреча узников Бухенвальда.

★ Новые экспонаты нашего «Литературного музея».

</div

«Паренек влюблен в свою работу». Офорти. (Из серии «Колхозные будни»).

Художник Глуховцев А. Е. (Краснодар).

О ТЕХ, КТО КОЧУЕТ

Я ГЕЛЬ растет медленно. За три месяца скупой тундровой весны крохотное бледно-зеленое растение поднимается лишь на один сантиметр, и на старое пастище оленей могут вернуться лишь десять лет спустя. И зимой, и летом стада в движении — идут и идут с одного места на другое. С ними идут люди, они со стадом зимой — в пургур мороз, летом — под тучами гнуса и под проливными дождями. Эти люди — пастихи-оленеводы, кочевники?

Кочевники? Разве они еще есть? — спросит нас. В статье Большой Советской Энциклопедии сказано, что кочевничество в СССР как социально-экономическое явление ликвидировано.

Началом лета и заголовком мы не хотим спорить со статьей БСЭ. На месте эвенкийских юкагирских стойбищ — въезды возникли поселки. Они винтили его вместе с самим воздухом нашей страны, новой жизни... Но и старое не ушло еще окончательно.

На улицах увидишь автомашину, велосипед, вечером из окон домов брызжет электрический свет. В поселке колхоза «Турваургин» мы смотрели кино в добром клубе, брали свежие журналы в библиотеке, играли в детском саду с краснощекими ребятишками.

Как-то мы зашли в дом нашего хорового друга юкагира Николая Трифоновича Трифонова. Он читал вслух газету. Его жена, хлопочя у стола, слушала. В уголке сидела над тетрадками их дочь. Было тепло, уютно, как в обычном сельском доме.

Так живут колхозники Севера в поселках, но мы хотим поговорить о тех, кто вместе со своим жизнью-ярким кочует по безбрежным просторам тундры за оленеными стадами, промышляя зверя. В поселках они не бывают долгими месяцами. Как можно определить образ жизни этих странников северных лесов и тундр? Впрочем, дело не в названии. В жизни этих людей есть много такого, что не может вызвать серьезных раздумий.

**

Мы уселись за нижний столик, и нам сразу подали крепкий, как горчица, чай. Женщина Василия Петровича Екатерина Ивановна хлопотала около железной печурки, готовя вкусно пахнущую оленину — идет и идет с одного места на другое. С ними идут люди, они со стадом зимой — в пургур мороз, летом — под тучами гнуса и под проливными дождями. Эти люди — пастихи-оленеводы, кочевники?

Зачем Василий Петрович расспросил нас о дороге, о сбоях, на которых мы ехали, о новостях в поселке. Мы невольно вспомнили шишковских герояев — из нардов Севера. Как неплохи были они в них Василий Петрович и Екатерина Ивановна с их спокойным чувством собственного достоинства, созидающим в каждом слове и жесте. Они винтили его вместе с самим воздухом нашей страны, новой жизни... Но и старое не ушло еще окончательно.

Слать легли, не раздевались, укрывшись верхней одеждой из оленевых шкур.

— Зачем кроется? Так теплеет, — сказал хозяин. — А как повезешь ее на нартах?

Да на нартах не перекочевках ни стула, ни крати, ни ванни — даже самое необходимое.

Мы прошли три дня в палатке Василия Петровича. Работа, еда, сон — все, из чего состоят пастухи-оленеводы. Мало этого, очень мало для человека!

В разных местах Якутии мы встречали тех, кто кочует за оленями и зверем. Пожалуй, жизнь изнутри одинакова. Книга, радио, разумные развлечения — редкость в палатке кочующих, а ведь это то, что делает жизнь интересной, полноценной, красивой. Очень не хватает в ней культуры. И это тревожно.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

В. САПОЖНИКОВ

колхозе «Турваургин» есть один чум на деревне оленеводческих бригад и 30 охотников.

Бригады кочуют на расстоянии многих сотен километров друг от друга, и чум может появиться каждый на три-четыре дня раз в полгода, иногда и еще реже.

Что при этих обстоятельствах может дать тундровикам красивый чум? Практически — ничего. Тундровики посмотрят два-три фильма, поискаются привезенные журналы, удивляются какой-нибудь услышанной новостью, потом чум опять исчезнет на многие месяцы...

А нужны ли вообще красивые чумы при такой организации их работы? Мы часто слышали этот вопрос, и он, на первый взгляд, кажется не таким уж нелепым. Действительно, не напрасно ли тратятся усилия людей ради гомеопатических доз культуры, которые они могут дать? Но

— значит совсем отвернувшись от чумы, который кочует. Что же делать?

Да на нартах не перекочевках ни стула, ни крати, ни ванни — даже самое необходимо.

Мы прошли три дня в палатке Василия Петровича. Работа, еда, сон — все, из чего состоят пастухи-оленеводы. Мало этого, очень мало для человека!

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так, чтобы красивые чумы двигались по тундре не со скоростью собачьих ног, а, например, самолета? Ведь тогда кино, слово пропаганда, новость из газеты могли бы приходить к оленеводу и охотнику неизмеримо чаще и регулярно.

А если идти другим путем? Нельзя ли сделать так,

Новости

ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Рассказывает Елизавета Воробей

«ШУМ» рукоплесканий воззвал от окончания первого отделения концерта. Все поднялись с мест, притопывая, похлопывая себя, чтобы согреться. Встал и Владимир Ильинич.

Он надел шапку, постучал кулаком о кулак, потом обернулся, и увидел нас, с мамой.

— А! Елизавета Воробей, — окликнул он меня тем прозвищем, которое мне давали, когда я была девочкой...

Это — из воспоминаний Елизаветы Драбкиной, старого члена партии, дочери известного партийного и военного работника Сергея Ивановича Гусева.

Елизавета Драбкина есть что вспомнить. Она с отцом и с матерью часто бывала на квартире у Владимира Ильинича и Надежды Константиновны. Часто встречалась с Лениным на собраниях, в Кремле, выполняла отдельные его поручения. Так, например, однажды она по его просьбе приготовила ему выписки из статьи Энгельса «Кавалерия».

Интерес Владимира Ильинича этой статье был не случаен. Он в ту пору очень много занимался военными делами и, в частности, конницей. Елизавета вспоминает об одной беседе ее отца, Сергея Ивановича Гусева, с Владимиром Ильиничем:

«Отец с увлечением рассказывал ему о том, как Буденный, конница которого тогда только что была создана, хиро водил по степным просторам своих полков. Как он описывал крути и востормы, заставляя преследовавшего его противника голодать и изнанывать от жажды, в то время как его люди и кони были всегда накормлены и напоены».

Надо отметить, что Елизавета Воробей умела слушать, умела замечать самое важное и интересное. А кроме всего этого, Елизавета Воробей хорошо, умно рассказывает. Ее «Золотая осень» — ценный вклад в сокровищницу воспоминаний о вожде, таком родном и дорогом для всех нас.

Старые большевики, люди, которые работали с Лениным, часто встречались с ним, знали его близко, дорожили в своих воспоминаниях портрет Владимира Ильинича. Штирихи за штирихи. И такие характерные для Ленина штирихи!

Сергей Иванович Гусев вместе с дочерью засиделись поздно в Кремле, на квартире Ленина. Весь вечер разговаривали об армии, о гражданской войне, о событиях на фронтах.

Поздно. Пора уж было уходить. Но... «Но тут Владимир Ильинич, лукаво посмотрев на Надеж-

ду. Елизавета, «Золотая осень», № 4, 1960.

ду Константиновну» («Разрешит? Не разрешит?»), сказал:

— А-что, Сергей Иванович, если нам воспользоваться тем, что вы здесь и работаете все равно же не будете, позвать сюда Красикова...

Догадайтесь, читатель, зачем в такую позднюю пору Владимиру Ильиничу понадобился Красиков?

Вспомните, какие тяжелые дни переживали в это время страна, партия. Деникин подходит к Туле. На съезде английских консерваторов выступил Черчилль с информацией о том, что Антанта готовят смертоносный удар по русской революции. Вот-вот должно начаться наступление на Москву армии 14 государств.

В самой Москве складывалось белогвардейское подполье. Из всех шелей вылезли спекулянты и мошенники. Уже спекулировали даже дома. Уже какой-то прохвост купил Дом союзов у прежнего хозяина этого здания.

Зачем же в этот вечер вождь пролетарской революции пригласил к себе товарища Красикова, старого большевика, одного из видных деятелей нашей партии? Вот послушайте:

— А-что, если нам... позвать сюда Красикова и немножко помузенировать?

Позвонили Красикову. Жил он в Кремле и минут спустя пришел со своей скрипкой.

Владимир Ильинич сидел, откинувшись назад и прикрыл глаза левой рукой. Видно было, что он весь превратился в слух...

Коротко о том концерте, по окончании которого Владимир Ильинич окликнул автора, назвав ее Елизавету Воробей.

Дело было в нетопленом зале Московского консерватории, оркестранты в шубах и шапках. Дирижер — в свитере. Публика — в пальто, шапках, платках.

«Прямо перед мной место было свободно, а следующее кресло занимал человек в шапке-ушанке, отделанной

черным мехом. Воротник пальто был у него поднят».

Это был Владимир Ильинич. Он сидел, не шелохнувшись, поглощенный музыкой.

«Владимир Ильинич слегка покивал. По его движению я поняла, что он старается устроить поудобнее левое плечо, из которого еще были извлечены эсеровские пули».

Итак, эсеровские пули, Деникин, Черчилль, анти Советские заговоры, головы, ходят и... много, очень много музыки.

Чем это объяснят? Крепкая вера в силу рабоче-крестьянской власти, в победу пролетарской революции. В то время, когда интервенты подсчитывали сроки падения Москвы, Ленин спокойно за- канчивал свою лекцию «О го-

сударстве», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

— Положение наше трудное, архитрудное... Если вы

зударств», читанную им в «Свердловске», словами: «Надеюсь, что к этому вопросу вернемся — и неоднократно».

После лекции слушатели университета (среди них — и автор воспоминаний) обступили Владимира Ильинича. Он ответил на многочисленные вопросы, а потом сказал:

НЕМАЛО мучений доставляют порой слова. Иногда мне думается, что не лишена оснований злата ирония известного парадокса: язык да чловеку, дабы скрывать свои мысли.

Есть слова, которым в различных случаях придается различное значение.

Недавно весь мир с волнением услышал о необыкновенном подвиге, но те, кто совершил его, считают, что поведение их было совершенно обыкновенным. Известны и другие примеры. Вспомним такой эпизод: узнав, что Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором, Бетховен, который до этого дня видел в Наполеоне воплощение революционного духа и посыпал ему свою симфонию, в бесчинства разорвал послышание, воскликнув: «Так, значит, он просто заурядный человек?»

Как выйти из этого словесного лабиринта?

Однако противоречие здесь только кажущееся. В первом случае слово «обыкновенно» передает ощущение героев, в чьих глазах совершенный им подвиг есть некое естественное, само собой разумеющееся, ощущение, представляющее собой большую моральную ценность, нравственный идеал, а потому и необыкновенное. Наоборот, в стремлении к пышности блеску, исключительности, неповторимости и могуществу, в стремлении быть «необыкновенным» заключена та «обыкновенность», которую презирал необыкновенный гений — Бетховен.

Ленин!

Был он обыкновенным или необыкновенным человеком?

И тем, и другим. В нем была необыкновенность гения, привнесенного историей к свершению всемирно-исторического значения; в нем была и драчоненная обыкновенность простого человека, которую люди устами своих поэтов, художников и музыкантов восславляют как проявление истинного величия.

В Ленине мы видим поразительную и редкостную гармонию между человеческой личностью и ее объективной исторической миссии. Ленин был человеком глубоко современным, в самом прекрасном и полном смысле этого слова, не только своим взглядами, но и своими чувствами, всем своим существом. Первоосновой личности Ленина был глубокий демократизм, без которого немыслимо представить себе деятельность социалистической революции.

Весной 1920 года тридцативосьмилетний журналист, революционный писатель Иван Ольбрахт был послан в СССР делегатом II конгресса Коминтерна. Ему выпало счастье зидеть на съезде Ленина в Большом театре на траурном заседании, посвященном памяти Я. М. Свердлова (16 марта). Не знаю, почему, но мне до сих пор очень дороги строчки из второго тома «Картины современной России» Ольбрахта. То ли потому, что один из первых источников, откуда мое поколение на заре своей юности почерпнуло первые представления о личности Ленина, почерпнуло от человека, видевшего Ленина собственными глазами, и человек этот был чешским писателем. То ли потому, что строчки эти написаны в особом тоне, страстном, но не патетическом, не обожающим, но доверчивом и теплом, в том тоне, которым позднее так пленял нас Горький в своих воспоминаниях о Ленине.

Именно тогда, читая — не без зависти — слова человека, которому почастливилось собственными глазами увидеть, как «нездадо до открытия заседания из боковой кулисы выходят Ленин», именно тогда, видимо, я ощутил эту удивительную «обыкновенность», может, впервые в истории воплотившуюся во всем ее новом величию в образе вождя победоносной русской революции: «Небольшой, широкоплечий, с темнорусой рыжеватой бородой, лысиной и невысоким, но очень крутым лбом, устремленным вперед и

УЛЫБКА ЛЕНИНА

словно готовым противостоять всем, что только встанет на пути. Владимира Ильчу че-

иржи ТАУФЕР,
чешский поэт

В вынужденных

и неизвестно,

очень четкие

художественные

и литературные сим-

патии.

Чтобы добыть живую воду для человечества...

Предательство и трусливый эклек-

тизм, которым было отмечено отно-

шение чешской буржуазии к так на-

зывающемуся русским вопросу (стоит

только вспомнить продолжавшуюся

шестьдесят лет канцелярии с признани-

ем СССР «две коры»), характеризовали

ее поведение и после установления

официальных отношений с Советским Союзом. В 1938 году мы поплатились

за это государственной независимостью

и едва не поплатились жизнью нашего

народа. Не будь я искони привержен-

цем точности и простоты, будь я склонен

увидеть символикой, я мог бы сказать:

есть нечто символическое в том,

что Прага вошла в историю

Коммунистической партии Советского Союза благодаря Пражской конферен-

ции и пребыванию Ленина в Праге, а

затем ее освобождение Красной Армии

стало главой общей истории нашей и

Советского Союза.

Бедняк Вацлавек имел все основания

написать перед второй мировой

войной о чешской национальной лите-

ратуре: «...кажется, нет ни в Европе,

ни во всем мире литературы,

так дружески расположенной к совет-

скому народу». Однако я хочу

сейчас говорить не о том, что дали

чешские поэты Ленину и Октябрьской

революции, а о том, что дали нашей со-

циалистической литературе Ленин.

Он дал ей прежде всего свой гигант-

ский труд по обновлению творческого

наследия Маркса. Велики заслуги Ле-

нина, прорвавшегося из

«художественного

противоречия».

Помню, как тронут я был, когда узнал из воспоминаний А. В. Луначар-

ского, что Ленин, хоть его влекло к

сфере искусства, в котором он видел ин-

тересную область теоретической работы

марксиста, жаловался, что у него «не

было и не будет времени заняться ис-

кусством», и «поскольку ему всегда был

чужд и ненавистен дилетантизм, то он

не любил высказываться об искусстве

и из своих эстетических симпатий и ан-

типатий никого «не делал руководи-

телей идей».

Когда я узнал об этом, ленинские

вынужденные

и неизвестные

и неограниченные

личности Ленина не знали еще

о Ленине, в главном деле его жизни, какими были строительство партии, Октябрьская революция и создание первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Задолго до того, еще в 1924 году

Неедлы опубликовал в своем журнале

«Вар» небольшую, но интересную

статью, посвященную памяти Ленина.

В ней он уже тогда отметил черты, характеризующие «необыкновенную обыкновенность» личности Ленина, ту, что всегда будет вызывать у людей восхищение и служить уроком, показывая, что великая историческая личность никогда не перестает быть человеком — «одним из нас».

Жизнь Ленина осталась такой же простой, как она была. Ленин всегда думал только об одном: о победе революции, в которой видел благо и спасение человечества.

**

Избранные произведения Ленина по

вопросам искусства и культуры попали

в нашу страну после 1945 года. Это

очень значительные и интересные про-

изведения, как и все, созданное Ленин-

ом, но мы видим в них не только не-

отъемлемую часть его деятельности;

здесь и яркое выражение личности Ле-

нина.

Решение кардинальной проблемы

эстетики, основной проблемы нового

искусства, а следовательно, и глубоко

личной проблемы «быть или не быть»,

возникающей перед каждым деятелем

искусства, заключено в отношении к

освобождению труда, к революционно-

му преобразованию общества, то есть

и в том, что было

важнейшим

и ценнейшим

и неизвестным

и неограниченным

и неизвестным

и не

ЗА ДРАМАТИКУЮ ГЕРОИЧЕСКОГО ЗВУЧАНИЯ!

(окончание. Начало на 1-й стр.)

КОНФЛИКТ — ОСНОВА

ДРАМЫ

Этот вывод подчеркнули в своих выступлениях участники пленума: украинский драматург В. Минко, министр культуры СССР Н. Михайлов, московский критик А. Анастасьев, украинский — И. Киселев. «Понятательно в этом отношении и выступление Г. Мильянина, заявившего, что его неправильно поняли и он не сторонник «теории бесконфликтности».

Как правильно заметил А. Караганов, «борьба за конфликтность в драматургии не равна выискиванию отрицательного». Мы говорим о недостатках старого, говорим о недостатках прошлого, чтобы приковать внимание людей к новому, бороться за новое. Об этом говорилось на XXI съезде партии.

А некоторые драматурги обнажают ошибки прошлого, чтобы приковать к нему внимание и закрыть или все остальное, что было в прошлом и что делается сейчас.

И справедлива та критика, которой были подвергнуты «Взлощники тишины» и другие пьесы подобного sorta».

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет». Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Драматическое столкновение в пьесе — это всегда столкновение живых людей, резко очертенных характеров, и, естественно, вопрос о конфликте ставился и решался на пленуме в связи с вопросом о драматическом герое. И прежде всего герое положительном.

ЧЕЛОВЕК ПРОСТОЙ И ВЕЛИКИЙ

Именно в соединении этих двух понятий искали многие выступавшие ключ к пониманию образа современного героя. И доклад А. Салынского, и в выступлениях В. Сытина и Е. Востокова (Главное политуправление Советской Армии и Военно-Морского Флота) всколыхнули потрясающим недавно мир под ногами четырехсот советских солдат, простых, обыкновенных, как они сами говорили о себе, советских людей, поднявшихся к вершинам геронского дения. На примере их бестоличий подтверждалась мысль М. Горького о великих простых людях и об их геронской работе. Сегодня чрезвычайно важна горьковская традиция в нашей драматургии, о которой писал в своей статье А. Софонов, говорилось в докладе А. Салынского и вновь напомнили в своем выступлении Ю. Юзовский.

Тот огромный переворот, сказал оратор, который совершил Чехов в мировой драматургии, заключается в том, что он исключительно герой свел до уровня обыкновенного человека. Это было крупное событие, связанное с тем, что пролетариат приходил к власти, что народ стал хозяином своей собственной судьбы. И, изображая этих простых людей, советский драматург не может забывать об историческом назначении, которое они выполняют в нашем обществе. Здесь решалась отличие простого человека нации от простого человека нации, от простого предмета изображения итальянского неореализма. Сам термин простой человек приобретает в нашей жизни, как верно заметил В. Сытин, весьма условное значение.

Как же показать этого великого и простого человека. Большинство выступающих подтверждалось мысль, высказанную в дискуссии на страницах «Литературной газеты», что этот человек в полную силу может быть показан только борбами. Об этом говорят и армянский драматург Г. Тер-Григорян и А. Кучар (Белоруссия), вспомнивший острое замечание К. Крапивы, упомянувшего драму с героями без противников той футбольной команды, которая забывает мячи в пустые, никем не охраняемые ворота.

«Положительному герою приходится, например, и в наше время вести борьбу с пошлостью, с наступлением вещей, чтобы не утерять то «самое цветное», что отличает советского человека», — говорит писатель Ю. Герман.

Драматургия должна идти в ногу с временем, поспевать за его движением, улавливать то новое, что каждый день властно входит в нашу жизнь. И здесь, конечно, необходимы поиски новых средств выразительности, вне которых трудно отразить какие-то существенные стороны происходящих изменений. Но, конечно, речь идет о подлинном новаторстве, и нам не нужна «античная оригинальность», о которой едко говорил в своем выступлении М. Задорин.

Сила нашего человека, — замечает Ю. Герман, — в направленности его интеллекта, в мощности идей, в гармоничности их, в красоте целеустремленной жизни, ясности мышления. Присутствует ли в наших произведениях эта интеллектуальная напряженность героя? Не всегда. Часто она заменяется шахматами, строками Малковского, сомнением собственных стихов, а то и просто синонимом интеллигентности —

рогочными очками и портфелем для отца-матеря типа.

А интеллектуальная жизнь кипит вокруг нас!»

Критик Х. Абдузатиров, говоря о значении положительного героя, считает, что он обязан присутствовать в комедии. С этим положением спорят драматурги А. Тажибасов, По его мнению, решение такого вопроса нельзя подходить догматически.

Положительного героя необходимо показывать в движении, в развитии. Обращаясь к «Иркутской истории», Л. Шешин замечает: я считаю, что в этой пьесе Абрузову удалось в художественной форме пронести глубоко человеческие мысли, что всякий человек может стать лучше, чем был вчера, если вы проповедуете доверию к этому человеку, если обнаружите веру в удивительные возможности человеческого сердца, если поможете стать выше и выше.

Эта же мысль прозвучала и в выступлении А. Караганова: Мне представляется одним из решающих условий создания современного характера пьесы «Иркутская история».

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

И справедлива та критика, которой были подвергнуты «Взлощники тишины» и другие пьесы подобного sorta».

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».

Что же, разве это конфликт? Нет, пока лишь только дискуссия. Псы, даже самые острые, не могут стать основой драматического конфликта, если на сцене сталкиваются лица, которые зренли, а не характеры. Подобные споры могут стать только поводом для конфликта, а не его сущностью.

Источник драматизма в нашей действительности определен самими закономерностями развития — борьбой старого и нового. Эта борьба, в той или иной форме, лежит в основе любой драматической коллизии, с которой встречается писатель.

Но одной констатации наличия в нашей действительности конфликтов, конечно, было бы мало. И участники пленума, естественно, стремились раскрыть эту проблему во всей ее конкретности, пытались определить различные формы и проявления драматизма в жизни. Так, весьма интересно армянский писатель Г. Борисян развивает свои мысли о современном конфликте, который основывается не на классовых противоречиях, а связан с трудностями нашего продвижения вперед. Он совершенно справедливо подчеркивает разницу между понятиями спора и конфликта, которые порой путаются в драматургической практике: один — директор — говорит «да», другой — главный инженер — «нет».</

